

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Т.В. КОТОВИЧ

**ОСОБНЯК ВИШНЯКА=
ШКОЛА ШАГАЛА**

Монография

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2017

УДК 72.04.03:728.3:727.055:94(476.5)
ББК 85.118.22(4Бей-4Вит)+63.3(4Бей-4Вит)6-7
К73

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова». Протокол № 1 от 19.10. 2017 г.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова». Протокол № 8 от 25.09.2017 г.

Автор: профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова», доктор искусствоведения, профессор **Т.В. Котович**

Рецензент:

декан исторического факультета ВГУ имени П.М. Машерова,
доктор исторических наук, профессор **В.А. Космач**

Котович Т.В.

К73 Особняк Вишняка = Школа Шагала : монография / Т.В. Котович. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 52 с.; ил.
ISBN 978-985-517-638-2.

Монография предназначена для искусствоведов, научных работников и специалистов в области истории изобразительного искусства, культурологов, студентов гуманитарных вузов.

Автор исследования подробно исследует историю особняка витебского банкира Израиля Вульфовича Вишняка, построенного в 1913 году на Воскресенской улице в Заручавье (2-я районе Витебска), в котором в конце 1918 года Марка Захарович Шагал, художник и комиссар открыл Витебское народное художественное училище. В монографии рассказывается вся дальнейшая история здания вплоть до сегодняшнего дня.

Улица, носящая имя Марка Шагала, бывшая Воскресенская, бывшая Бухаринская, стала местом паломничества туристов и художников. Дом – особняк Вишняка, дом ВНХУ сделался культовым местом города.

Автор выражает огромную признательность за помощь, оказанную в работе над монографией, А. Луховникову, Ю. Шепелеву, Св. Мясоедовой, Н.П. Толкачевой, а также благодарит предпринимателя Людмилу Толкачеву за помощь в издании монографии.

УДК 72.04.03:728.3:727.055:94(476.5)
ББК 85.118.22(4Бей-4Вит)+63.3(4Бей-4Вит)6-7

ISBN 978-985-517-638-2

© Котович Т.В., 2017
© ВГУ имени П.М. Машерова», 2017

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	4
1913 год. Начало	8
Слава особняка Вишняка: Улица Бухаринская	15
После Школы Шагала. После Малевича	23
Этот Дом подобен театру	35
«Бухаринская, 10 – Правды, 5 а – Марка Шагала, 5 а»: Место встречи изменить нельзя	37
Заключение	50

ВВЕДЕНИЕ

✓ В 1882 году в Витебске была открыта банкирская контора «И.В. Вишняка», существовавшая до революции и находившаяся в центре города на ул. Смоленской. Израиль Вульфович Вишняк был успешным купцом и весьма уважаемым в городе человеком: занимался торговлей лесом и мануфактурой, состоял в совете директоров акционерного товарищества «Витебский трамвай» и имел подряд на электрификацию города, а также был членом попечительского совета коммерческого училища и входил во многие комитеты города.

В апреле 1912 года И. Вишняк обратился с прошением в Витебскую городскую управу о постройке собственного дома с надворными службами на Воскресенской улице [Национальный исторический архив Беларуси, ф. 2496, оп. 1, д. 2362, л. 121об.].

Среди точек социокультурного пространства Витебска 1910-1920-х годов это место – Дом, которому исполнилось 100 лет, – наиболее странное. Хотя странным можно назвать любой дом, ведь в каждом сосредоточена история судеб всех тех, кто там селился, работал или просто заходил, и часть своей субстанции так или иначе оставил.

✓ Я думаю об этом всякий раз, проходя сквозь неширокие двери и поднимаясь по странной лестнице Дома.

✓ Я словнодвигаюсь в его каменную структуру и оказываюсь в виртуальной его реальности. В самом деле, каждый поворот лестницы, этаж и каждый угол можно воспроизвести в чертежах разных лет, представить, как и когда он перестраивался. Здесь жила семья Вишняка, и сам купец не представлял, какая судьба ожидает его жилище.

**В НАЧАЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ ДОМА В НОЯБРЕ 2015 ГОДА.
ФОТО А. ДУХОВНИКОВА.**

АНДРЕЙ ДУХОВНИКОВ, ДИРЕКТОР МУЗЕЯ ВНХУ.

Понятие «психоголограммы» из лексикона биодиагностов как результат проекции мысли на экране-зазеркалье, находящемся внутри человека, и таинственным образом выносимое вовне, – это понятие, применимое к Дому, – представит нам настоящее скопище психоголограмм, причём не последовательно сменяющих друг друга в истории Дома, а наслаивающихся, сталкивающихся, скрежещущих плоскостями, закрывающих друг друга на время от взора потомков.

Когда эти плоскости и объёмы начинают оживать, кажется, что Дом теряет свои строгие чертежи конструкции, своё точное размещение внутренних пространств, и превращается в нечто аморфное, непредсказуемое и неуправляемое. Время выдуло из Дома всё, на чём сидели, спали, с чем работали, в чём хранили вещи его многочисленные обитатели. Он остался сам как живая голограмма.

Исследователи актёрского самосознания утверждают, что мыслеобраз, мыслеформа проявляют себя «носителем частично самостоятельного сознания» [Силантьева И., Клименко Ю. Грим души // Катарсис. – М., 1995. С. 45] и могут жить по собственным законам. Этот мыслеобраз представляет собой законченную форму как энергетическое образование полевого уровня. Дом!

1913 ГОД. НАЧАЛО

К лету 1913 года особняк был готов: «За Израилем Вульфовичем Вишняком <...> в настоящее время записано дворовое место во 2 части, по улице Воскресенской церкви в 1 квартале» [ГАВО, ф. 1001, оп. 1, д. 62, л. 212].

В 1914 году И. Вишняк заложил этот свой дом [ГАВО, ф. 1001, оп. 1, д. 62, л. 212], и тот числился в залоге вплоть до 1918 года (свидетельство № 3444), когда и перешёл в ведение города, т.е. не был национализирован.

✓ И.В. Вишняк имел несколько домов в Витебске.

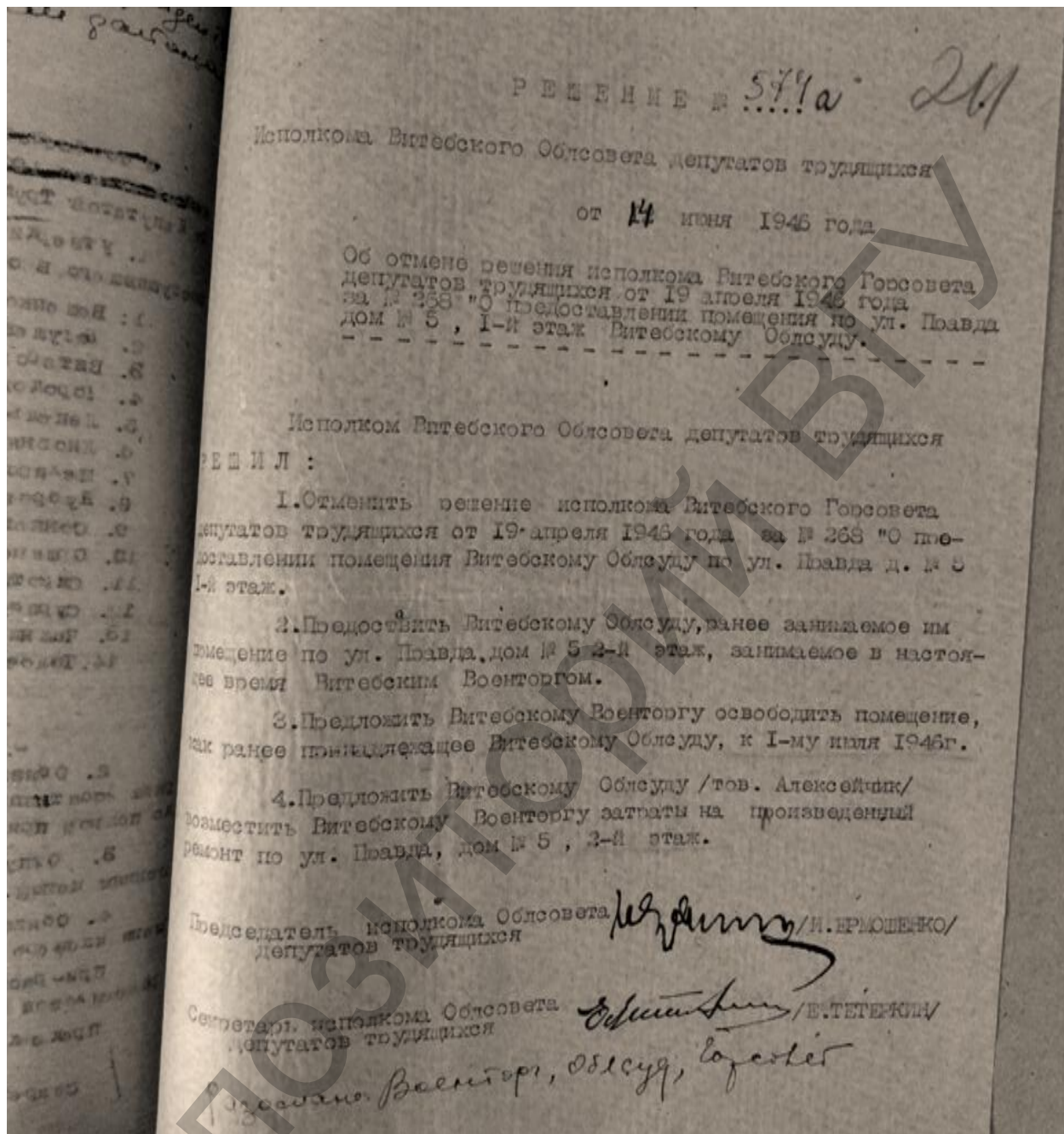
На Замковой улице в центре собственные дома и банкирскую контору [ГАВО, ф. 1001, оп. 1, д. 54, л. 22 об] за номером 5, 14 и 14 а. [ГАВО, ф. 67, оп 1, д. 476, л. 76-76 об.].

В доме № 5 по Замковой было 8 номеров меблированных комнат «Chambres Garnies». В 1921 году здесь находилась Центральная библиотека [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 33, л. 151], в 1924 – книжный магазин Дрейцера [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 317, л. 93]. В этом доме находилась электрическая станция, банкирская контора, дом санпросвещения, в 1918 году клуб ЧК [ГАВО, ф. 101, оп. 1, д. 186].

✓ На другом участке И. Вишняка – по Замковой, 14, в 1050 кв. сажен располагался каменный 3-этажный дом с подвалом и водопроводом, парадным выходом и выходом во двор, и 2 деревянных двухэтажных дома, что было конфисковано при национализации имущества в марте 1919 года [ГАВО, ф. 1001, оп. 1, д. 26, л. 1, л. 3]. Гостиница «Бристоль» (потом она называлась «Савой») – в 1918 году это здание было реквизировано. В доме на Замковой, 14 находилась Витебская ЧК [ГАВО, ф. 1001, оп. 1, д. 24, л. 208], с конца 1923 года – ГПУ [ГАВО, ф. 100054, оп. 1, д. 43, л. 49]. Подвал использовали под камеру для заключённых, в бывшем ресторане в первом этаже – общежитие солдат батальона. Предположительно, в этих подвалах сидел арестованный К. Малевич. Представляли они собой страшное зрелище.

В деревянном доме во дворе на первом этаже разместилась хозяйственная команда и склад оружия ЧК. Здесь еще располагались Губсельтрест, Дом Крестьянина, Губсельскосоюз [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 82, л. 401].

✓ В «Памятной книжке Витебской губернии на 1910 год» упоминается дом И. В. Вишняка на ул. Верхне-Покровской (затем Штаб 41-й Пехотной дивизии) и его же дом на ул. Канатной [«Памятная книжка Витебской губернии на 1910 год». – Вит.губ.типография, 1911], построенные значительно раньше.

В 1946 ГОДУ УЛИЦА ЕЩЁ НОСИЛА НАЗВАНИЕ УЛИЦА ПРАВДЫ (до 1923 г. – ЗАМКОВАЯ, до 1935 г. – ул. ТРОЦКОГО, ОПЯТЬ ОНА СТАНЕТ ЗАМКОВОЙ В АВГУСТЕ 1950 Г., В КОНЦЕ 1950-х – ул. КИРОВА, с 1973 г. – СНОВА ЗАМКОВАЯ).

ГАВО, Ф. 1966, ОП. 8, Д. 71, Л. 211.

В глубине участка напротив Воскресенской церкви по Воскресенской улице рядом с каменным двухэтажным особняком И. Вишняка был возведён надворный каменный одноэтажный сарай размерами 10,66 x 6,4 метра и высотой 2,98 метра [ГАВО, ф. 302, оп. 1, д. 294, л. 51об.- 52]. Через 10 лет в январе 1923 года дому нужен был серьёзный ремонт, особенно это касалось водопровода и теплоснабжения (ректор ХПИ И. Гаврис будет настойчиво просить не прекращать этих ремонтных работ [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 12, 31 об]).

Двор дома И. Вишняка имел сильный наклон в сторону Воскресенской улицы, находился на холме, отчего и дом выглядит разноэтажным с фасада и со двора. За домом на холме был насажен огород и сад [ГАВО, ф. 1001 оп. 1, д. 476. л. 117].

Вид особняка и его план подробно описаны в документе: «Опись домовладения по Бухаринской, 10, быв. И.В. Вишняка»: «Лицевой двухэтажный с полуподвальным помещением, каменный. <...> Ход парадный с боковыми колоннами и зонтом. <...> Печь при входе голландская израсцовая». В нижнем этаже размещались три хода, передняя, 9 комнат, ванная с уборной, кухня, коридор, коридор-прихожая, ватерклозет, печь, 18 батарей, русская печь, 2 душа и т.д. В верхнем этаже – три хода, передняя, 8 комнат, ванная и уборная, кухня, 2 коридорчика, ватер-клозет, галерея над лестницей, балконная дверь, 14 батарей и т.д. В полуподвале – коридор, одна комната, баня, кочегарка, кладовая, русская печь, котёл. Рядом с Домом – сарай, каретник, 2 хлева, курятник, помойная яма, изгородь [ГАВО, ф. 246, оп 1, д. 309, л. 17, 17 (об)].

✓ В глубине сада находился «надворный каменный одноэтажный сарай» <...>, с правой стороны от дома размещались большой огород и сад. Сад был внесен в «Список садов, находящихся в ведении Губкоммунотдела» за 1923 г. и о нём сообщались следующие сведения: «Количество земли – 400 кв. саженой, количество деревьев – 40» [ГАВО, ф. 1001, оп. 1, д. 476, л. 117].

✓ 30 марта 1923 года в Акте обследования состояния здания было отмечено, что неправильно указано «наличие русской кафельной печи, имеется только кафельная плита не с одним, а с двумя духовыми шкафами, русская же печь, по-видимому, занесена ошибочно, так как по расположению кухни её и не могло быть. Не оказалось также двух душей над ванной и умывальником. Остальные помещения и оборудования оказались налицо согласно описи» [ГАВО, ф. 9, оп. 1, 626, т. 1, л. 28].

По утверждению историка И. Абрамовой, Израиль Вишняк с семьёй (у него было восемь детей) уехал из Витебска после революции, дом был передан Губернскому отделу народного образования. Оценочная стоимость дома по расценкам 1914 года составляла около 13 тысяч рублей [И. Абрамова. Прогулки по особняку Вишняка» / Витьбичи. 2010 – 16 января. – С. 3]. Однако в витебском архиве сохранился документ, датированный 6 октября 1921 г. И. Вишняк просил отдать ему «3 комнаты, ванную и кухню в верхнем этаже этого дома <...>. Весь ремонт этого дома, как то: центрального отопления, канализации, освещения, водопровода, а также содержание всего дома в исправности в дальнейшем – я принимаю на себя». В этой просьбе ему будет категорически отказано в виду недостаточности помещения для мастерских [ГАВО, ф. 837, оп. 1, д. 58, л. 155]. Тогда же было отказано и в предоставлении нескольких комнат для Музея революции [ГАВО, ф. 1947, оп. 1, д. 5, л. 21].

Счастливым 1913 год.

Эта начальная точка движения в траектории судьбы Дома полна некоего исторического значения.

1913 год это – самый канун Первой мировой войны и удачный экономический год.

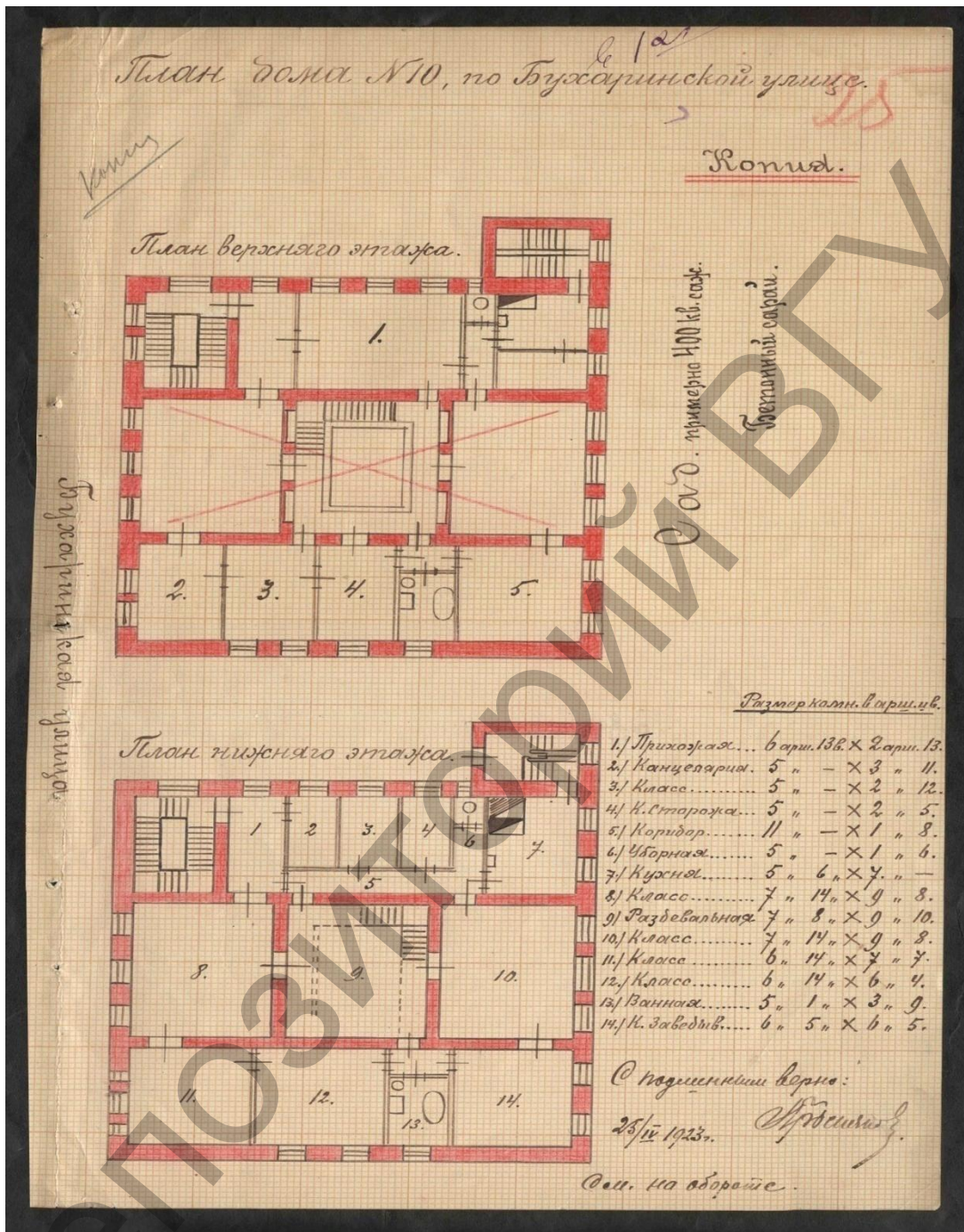
1913-й воплотил в себе объективную социально-историческую ситуацию и субъективное ощущение художниками этой ситуации. Высшая точка взлёта империи, по которой весь двадцатый век будут ориентировать экономические достижения советской страны, с одной стороны, а с другой – уже предчувствие срыва с этой точки. Предчувствие войны и её предуготовление обозначило приближение всей социальной системы к точке бифуркации. Неравновесность и неустойчивость подвигали всю её к зоне хаоса, и она была уже готова свергнуться в хаос, который будет длиться, как минимум, до середины 1920-х гг., или, как максимум, весь XX век.

К 1913 году завершается первый этап русского авангарда с лидерством Михаила Ларионова, буквально только что задекларировавшего лучизм как концептуальное, теоретически обоснованное направление в искусстве, обозначающее новый ментальный уровень абстракции и беспредметности.

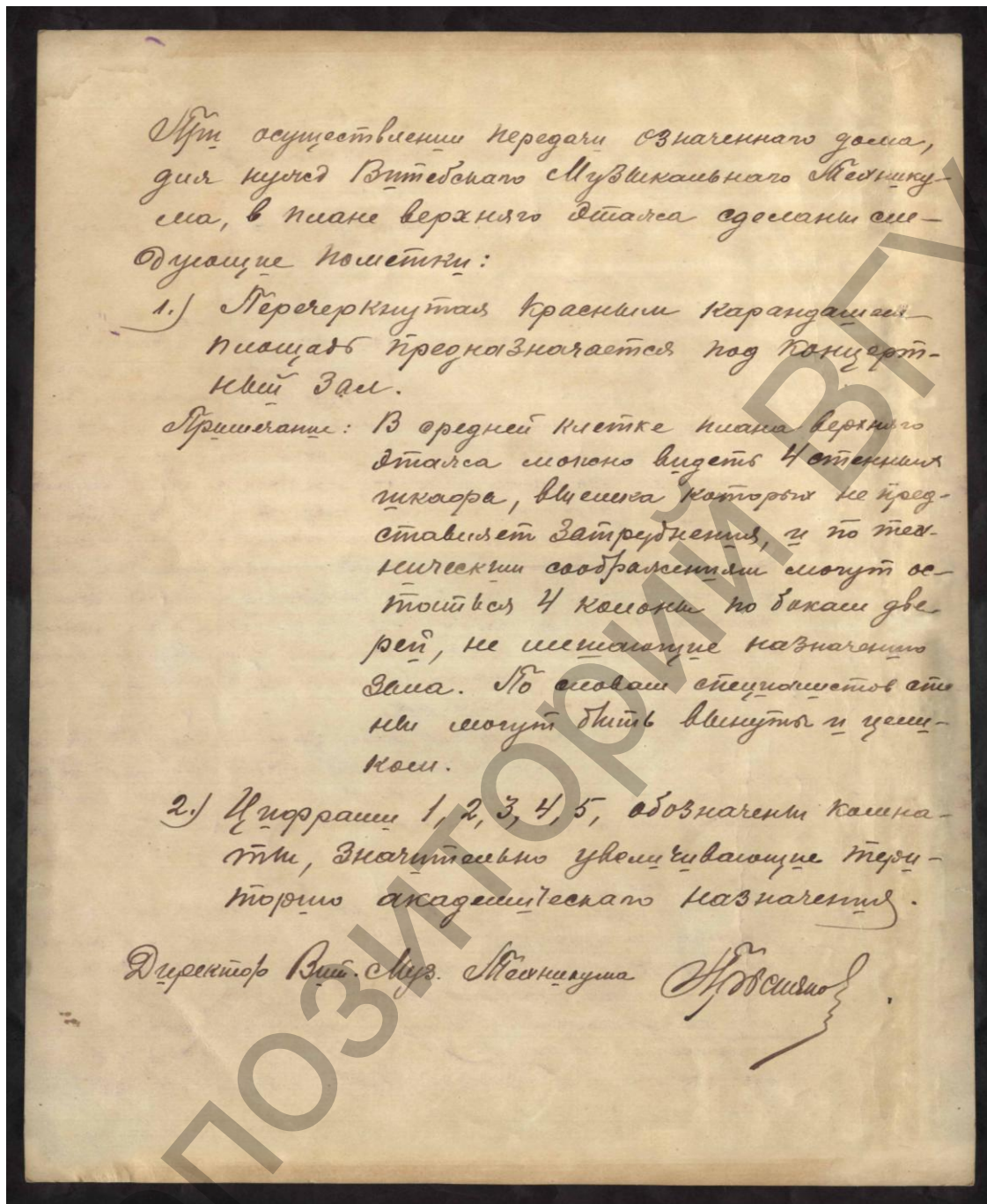
Но уже в конце 1913 года начинается следующий, более высокий уровень беспредметного искусства, когда на занавесе «Победы над Солнцем» возникает Чёрный квадрат.

1913 год был насыщенным и благополучным для создателей Дома, футуристической оперы, Чёрного квадрата....

ОСОБНЯК ВИШНЯКА=ШКОЛА ШАГАЛА

ПЛАН ДОМА СОСТАВЛЕН В 1923 ГОДУ В. ПРЕСНЯКОВЫМ
[ГАВО, Ф. 9, ОП. 1, 626, Л. 25].

ПЛАН ДОМА СОСТАВЛЕН В 1923 ГОДУ В. ПРЕСНЯКОВЫМ
[ГАВО, Ф. 9, ОП. 1, Д. 626, Л. 25 ОБ].

СЛАВА ОСОБНЯКА ВИШНЯКА: УЛИЦА БУХАРИНСКАЯ

В 1918 году Воскресенская улица стала Бухаринской. Бухаринская, 10 – бывший дом Вишняка – был передан комиссару Марку Шагала для Витебского народного художественного училища, открытого в январе 1919 года. Именно в этом здании находились мастерские, а также личные комнаты художников.

Как спустя пять лет будет писать И. Гаврис, «на протяжении всего этого времени пришлось вести упорную борьбу с настойчивыми попытками воинских частей занять это помещение», но своевременно была выхлопотана из Москвы охранная грамота, «воспрепятствующая кому бы то ни было врываться в помещение», и оно было сохранено от разрушения [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 35].

Художественное училище в Витебске было открыто по инициативе Марка Шагала, назначенного в сентябре 1918 г. уполномоченным Наркомата Просвещения по делам искусств в Витебской губернии. Официальное открытие состоялось 28 января 1919 г. В доме помимо художественного училища находился также подотдел искусств губернского отдела народного образования. А затем Губернский отдел профессионального образования, местный орган Главного управления профессионального образования Наркомпроса РСФСР, осуществлявшего контроль над подготовкой квалифицированных работников промышленности и сельского хозяйства.

Витебское народное художественное училище – это первое государственное учебное заведение художественного профиля на территории современной Беларуси. Первым директором училища Наркомат Просвещения назначил Мстислава Добужинского 20 октября 1918 года [ГАВО, ф. 837, оп.1, д. 58, л.1].

Руководителями классов в училище, наряду с М. Шагалом и М. Добужинским, были Радлов, Тильберг, Любавина [ГАВО, ф. 387, оп. 1, д. 58, л. 1].

С марта 1919 г. после отъезда из Витебска М. Добужинского директором учебного заведения был М. Шагал (до марта 1920 г.), которого на этом посту сменили Вера Ермолаева с 25 июня 1920 г. [ГАВО, ф. 837, оп.1, д. 58 л. 51] (до 1922 г.), а потом Иван Гаврис, которого В. Ермолаева 26 мая 1921 года назначала своим заместителем (до 1923 г.).

С весны 1919 г. в ВХУ работали Вера Ермолаева, Нина Коган, Лазарь Лисицкий (Эль Лисицкий).

Казимир Малевич жил в Витебске с октября 1919 до лета 1922 г., разработал здесь авторскую высококлассную программу, по которой строилось обучение в училище. Витебский период жизни и деятельности К. Малевича признан наиболее значимым в его творческой, научной и педагогической деятельности. А Витебск становится в это время образовательным, научным и художественным центром с более высоким уровнем, чем даже столичные аналогичные сообщества.

17 января 1920 года К. Малевич организовал здесь группу молодых кубистов, которая 19 января стала называть себя МОЛПОСНОВИС (молодые последователи нового искусства), но поскольку в группу вошли не только совсем молодые, то почти сразу же объединение стало просто ПОСНОВИС (последователи нового искусства), и, наконец, 14 февраля 1920 года окончательно было зарегистрировано название УНОВИС (Утвердители, а не просто последователи Нового искусства) [ГАВО, ф. 2262, оп. 1, д. 202, л. 20 об.].

Марк Шагал стал инициатором создания Музея современного искусства, музея нового типа [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 301, л. 37 об.]. Музей был развернут к лету 1920 г. в здании ВХУ [«Советский справочник Витебской губернии». – Витебск, 1921. – № 2. – С. 101]. Коллекция музея включала в себя около 120 работ ведущих представителей авангарда. В этом роковом городе судьба его была недолгой: его свернут осенью 1922 года [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 139, л. 31–31 об.].

Комнаты К. Богуславской и И. Пуни, а затем В. Ермолаевой, комната М. Шагала, мастерские Л. Лисицкого, Радлова и Тильберга, комната К. Малевича, его жены Софьи Рафалович и дочери Уны, окна, из которых смотрели в сад. Мастерские А. Бразера и С. Юдовина, помещение Артели Витебского художественного училища [ГАВО, ф. 1947, оп 1, д. 3, л. 95] – всё в одном здании. Это – их кратковременное пристанище и энергетическая концентрация творческих усилий.

Дом связан с педагогической практикой Ю. Пэна и его противоречиями с системами авангардистов. Дом связан с творческими взглядами А. Ромма и его системой художественного образования, разработанной ещё до появления УНОВИСа, – системы, которой А. Ромм придерживался и после отъезда К. Малевича в Петроград.

С февраля 1920 по лето 1922 года УНОВИС выставлял здесь свои работы [ГАВО, ф. 837, оп. 1, д. 58, л. 41], сделавшись ядром Витебской художественной школы как художественного явления. И, конечно, Дом – это вообще вся история УНОВИСа, партии для создания культуры новой гармонии в мире утилитарных вещей. Трансформация форм существования человечества – цель и программа К. Малевича – связана с новым поколением художников. Это их энергетика впиталась в стены Дома. Витебским студентам принадлежала особая роль в программе: они были учениками и основной группой, с которой К. Малевич проводил в жизнь свой педагогический метод. М. Шагал рассматривал эклектику как свободу творческой выразительности, К. Малевич же стремился обнаружить в ученике склонность к определенной системе и, развивая её, на этой основе вести его к супрематизму.

Витебское народное художественное училище отдела народного образования Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1918-1920) в мае 1920 года меняет статус на Витебские свободные государственные художественные мастерские отдела народного образования (1920-1921), а затем в мае 1921 года – это Витебские высшие государственные художественные технические мастерские, которые в июле 1921 года принимает в свое ведение Художественный подотдел Витгубпрофобра [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 306, л. 28]. Учебный план был изменён, как и весь аппарат управления мастерскими.

С января 1922 года это – Витебский Художественный практический институт [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 29, т. 1, л. 57] Витебского губернского отдела профессионального образования Главного управления профессионального образования Наркомпроса РСФСР [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 45].

В институте было два отделения (научное – 5 лет обучения) и практическое (4 года обучения), 111 учащихся, 7 преподавателей, Квалификация по выпуску – свободный художник. В апреле 1922 года остались В. Ермолаева, И. Гаврис, К. Малевич, Ю. Пэн, Н. Коган, М. Векслер. Были еще завхоз, служитель и дворник [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 77, л. 120]. К сентябрю 1922 года,

когда многие из УНОВИСа покинут Витебск, состав преподавателей изменится: И.Т. Гаврис, Ю.М. Пэн, Ш.Б. Юдовин, А.М. Бразер, Е.С. Минин [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 311, л. 24].

Еще весной была организована научно-философская ассоциация из членов УНОВИСа и Редемейстера, Медведева и Бахтина. В мае в Доме провели выставку УНОВИСа. К июлю 1922 года осталось 75 учащихся. Был проведен выпуск: 7 – по «левому течению» со званием свободного художника, трое – по изобразительному искусству со званием мастера с правом преподавания в техникумах [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 29, Т. 2, л. 26].

К осени 1922 года в Витебске было четыре практических института (вместе с ВХПИ еще сельскохозяйственный, механико-строительный и народного образования).

Но из ноябрьского 1922-го года отчета о работе Витебского художественно-практического института видно, что были закрыты мастерские беспредметного течения (отъезд руководителей и недостаточное количество учащихся), индивидуальных исследовательских мастерских уже нет, институт фактически превратился в живописно-скульптурный факультет, продал часть инвентаря: «Остаётся жить надеждой на выполнение губпрофобром обещания оказывать институту материальную поддержку из местных средств <...>» [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 29, Т. 2, л. 151–152].

В это время институт занимал только второй этаж (ещё в сентябре 1922 года первый вынужденно отдали музыкальному техникуму и не вернули, а в подвальном этаже располагались частные жильцы). В нижнем этаже было 8 комнат общей площадью 250 кв.м. (раздевалка, классы, канцелярия и квартира заведующего). Концертного зала в помещении не было.

И. Гаврис писал, что Губпрофобр настойчиво «предложил уступить часть помещения Института для музыкального техникума». Сократили малярную и скульптурную мастерские, мастерскую УНОВИСа, свернули три комнаты музея. Художественному институту оставили 500 кв.м. площади [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 6 об.]. Губпрофобр отремонтировал первый этаж (с помощью ректора механико-строительного института А. Квятковского, который предоставил музтехникуму ещё три аудитории в своём институте), а второй, т.е. этаж Художественного института ремонтировать не стал. И. Гаврис требовал отселить музтехникуми и вернуть помещения институту [ГАВО, ф. 264, оп. 1, д. 310, л. 31].

Но 22 января 1923 года В.И. Пресняков, директор музтехникума приветствовал всех уже в здании на Бухаринской, 10. К марту туда заселили 7 преподавателей. И теснота сделалась такая, что часть инструментов хранилась на других квартирах [ГАВО, ф. 1050, оп. 1, д. 83, л. 2; л. 14].

Тем не менее, в очень стеснённых условиях Художественного института проходили выставки учащихся, работала небольшая библиотека, проводились экскурсии для коммун и трудовых школ по мастерским института, даже предполагалось организовать курсы рисования для рабочих.

В марте 1923 года заговорили о предоставлении институту другого помещения [ГАВО, ф. 9, оп. 1, д. 626, л. 28]. Шла речь о здании клуба Борохова на Гоголевской, 10 [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 62], но отдел благоустройства своего согласия на такой вариант не дал [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 64]. Затем предлагалось здание по Замковой, 7, от которого И. Гаврис категорически отказался [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 35]. В июле 1923 года новое предложение – здание бывшей синагоги на ул. Суворовской, 15, куда И. Гаврису было велено переселить институт в двухнедельный срок [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 73] с применением репрессивных мер в случае неисполнения [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 109–110]. В новом здании не было достаточного количества комнат, не было достаточного освещения, оно было сырым и непригодным.

В апреле 1923 года было проведено ревизионное обследование института, где в числе выявленных недостатков, злоупотреблений и пр., говорилось о том, что институт не соответствует своему назначению и названию по контингенту учащихся и из-за отсутствия в Витебске подготовительных художественных школ как переходных ступеней для поступления в высшую школу [ГАВО, ф. 9, оп. 1, д. 626, л. 31–36]. Предлагалось вообще реорганизовать институт в Художественную школу I ступени [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 95].

1 июля 1923 года была создана особая ликвидационная комиссия для ликвидации института и преобразования его в техникум к новому учебному году, т.е. к 1 сентября 1923 года и передаче всего имущества института техникуму [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 113–113об.].

В.И. Пресняков требовал полной передачи помещения Музыкальному техникуму, писал, что дальнейшее промедление граничит «со скандалом, ибо значительная часть учащихся платя в Техникуме ещё не может приступить

к занятиям» [ГАВО, ф. 1050, оп. 1, д. 83, л. 58 об.]. И.Т. Гаврис отвечал ему тем же [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 36].

1 августа 1923 года Иван Гаврис был отстранён от заведования Художественным техникумом из-за устного отказа о выполнении приказа губоно переселяться в бывшую синагогу [ГАВО, ф. 101, оп. 1, д. 82, л. 236] и 10 августа на должность заведующего Витебским художественным техникумом был назначен М. Керзин [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 311, л. 31], который 5 сентября вступил в должность, приняв дела и имущество на Бухаринской, 10.

Иван Гаврис боролся всеми силами и всё лето, заявлял о незаконности отстранения его от должности [ГАВО, ф. 101, оп. 1, д. 82, л. 230–231], обращался в Москву в ОХОБР Главпрофобра и в Третейский суд при Витебском губернском отделе труда.

21 сентября 1923 года М. Керзин передал музыкальному техникуму три свободные комнаты во втором этаже (две, прилегающие к коридору, выходящему на парадный вход; и третья – угловая, прилегающая к канцелярии с правой стороны). Канцелярия, которую занимал И. Гаврис, комната с прилегающей к ней ванной, комната с балконом во двор и комната с прилегающей кухней, чердак, сарай и баня ещё оставались в распоряжении Художественного техникума до окончательного переезда на Володарскую (Суворовскую), 15 в бывшую синагогу [ГАВО, ф. 1050, оп. 1, д. 83, л. 57].

В.И. Пресняков в сентябре 1923 года сигнализировал:

✓ *«Президиум Витебского Музыкального Техникума ходатайствует о принятии срочных и решительных мер к прекращению вопиющего безобразия, имеющего места за последнее время в стенах Техникума.*

С началом производства работ в верхнем этаже, ещё частью занятого Художественным Техникумом, на стенах последнего и на крышках роялей стали появляться непозволительные рисунки и надписи самого циничного содержания.

На клавиатуру под крышки инструментов кладутся рисунки, которые Президиум даже не рискует присовокупить к настоящему отношению в виде иллюстрации. Всё это проделывается молодёжью, именующей себя учениками Художественного Техникума. Эти «художники» чувствуют себя ещё хозяевами помещения и, несмотря на происходящие занятия, бесцельно шатаются по классам, не внимая никаким увещаниям преподавателей.

Кроме всего изложенного, нужно заметить, что в переданных Музыкальному Техникуму комнатах устраивается ночлежка неизвестных для нас лиц, с разрешения сторожа Художественного Техникума, этого для нас «бельма на глазу», который в течение всего минувшего года устраивал подлинный постоянный двор (что продолжается и по сие время), не стесняясь ставить лошадей не только в сарай, в котором всегда нуждался Музыкальный Техникум, но даже в нашу кочегарку по паровому отоплению. Эти стоянки лошадей крайне загрязняют двор и наш служащий буквально выбивается из сил» [ГАВО, ф. 1050, оп. 1, д. 83, л. 58].

В ноябре 1923 года В.И. Пресняков просил разделить остатки исключительно когда-то богатой обстановки Вишняка, «уцелевшие от разгрома» между Музыкальным и Художественным Техникума поровну [ГАВО, ф. 1050, оп. 1, д. 83, л. 65]. Верхний отвоёванный этаж начали перестраивать под концертный зал [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 310, л. 37].

ПОСЛЕ ШКОЛЫ ШАГАЛА. ПОСЛЕ МАЛЕВИЧА

В **сентябре 1923** Институт переместился на Володарскую (Суворовскую), 15 [ГАВО, ф. 1821, оп. 1, д. 194 а, л. 995], где и начинается его новая история, уже как техникума: «здание бывшей синагоги им. Липерта с прилегающим флигелем с северной стороны и 2 помещениями с южной стороны в 1 и 2 этажах большого белого корпуса, выходом на улицу» [ГАВО, ф. 246, оп. 1, д. 139, л. 142].

В **октябре 1924** и Музыкальный техникум переместился, на ул.Толстого, 16 [ГАВО, ф. 170, оп. 1, д. 9, л. 391]. В докладной записке заведующего управлением коммунальными домами Зыкова 20 октября 1924 года был поднят вопрос о передаче дома на Бухаринской, 10, одного из лучших помещений с центральным паровым отоплением, с садом и вдали от центра – под детский дом.

С **1924 года** в Доме на Бухаринской размещалось сразу несколько детских домов. В своём отчёте заведующий Василий Гаврилович Якубов писал, что три детских дома расположили в здании осенью 1924 года хаотично, без всякой организации, после выселения музтехникума и остававшихся частных жильцов. На 95 детей разного возраста приходилось 4 педагога, 3 технических работника. Господствовали бедность и вражда, но «помещение большое, светлое, сухое и солнечное», окна, двери и потолки высокие, разные лестницы, галереи и вестибюль. Есть изолированный двор, просторный и мощёный. Есть сарай для дров, прачечная, чердак и все необходимые строения. Имеется неогороженный фруктовый сад с яблонями и вишнями, а также большой огород. По соседству мелкие владельцы домов с религиозными и бытовыми предрассудками [ГАВО, ф. 170, оп. 1, д. 246, л. 1–2 об.].

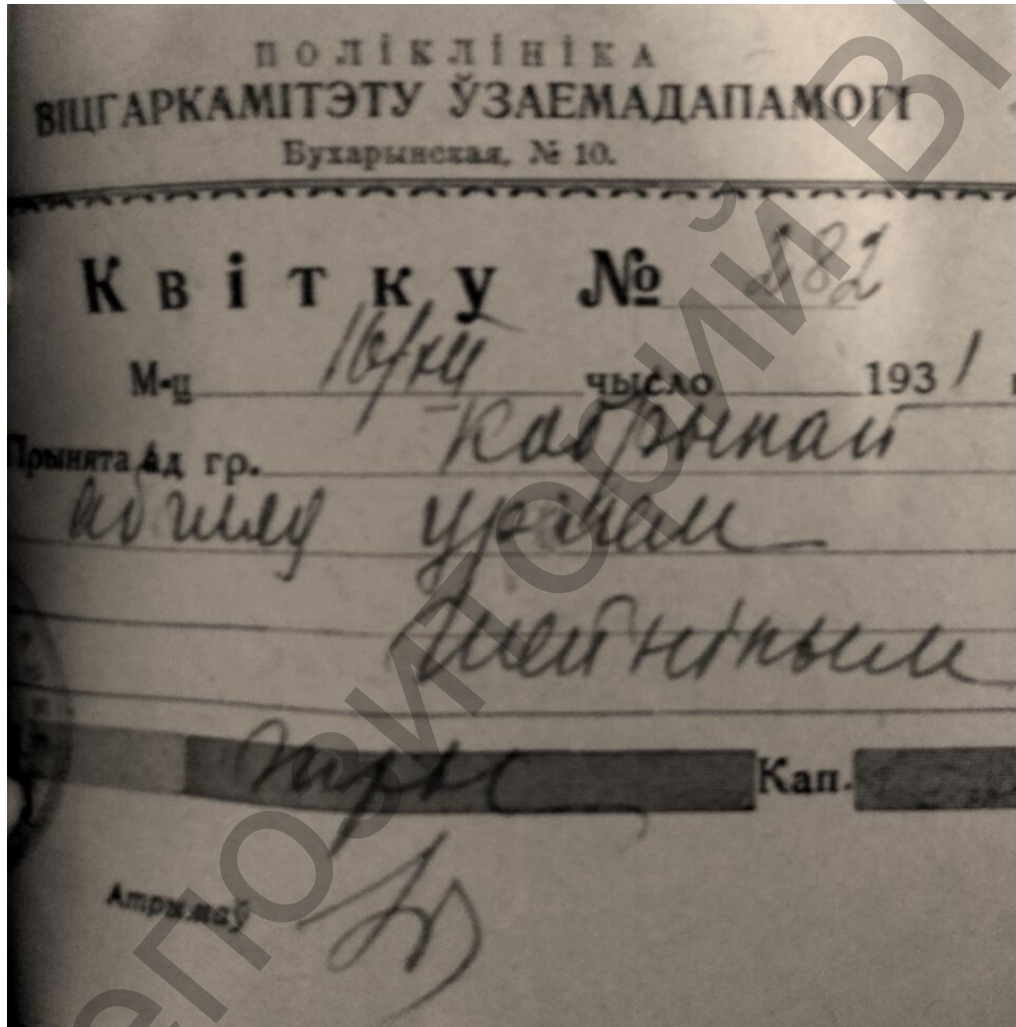
Большая синагога на Володарской, 15.

В октябре 1924 года управляющий коммунальными домами Зыков обращался в Окроно с просьбой о необходимости в срочном порядке освободить им другое помещение, так как в здании на Бухаринской, 10 их сильная концентрация [ГАВО, ф. 170, оп. 1, д. 9, л. 391].

В **ноябре 1925 года** здесь расположилась Коммуна (дошкольный детский дом) «Красная Звёздочка» [ГАВО, ф. 170, оп. 1, д. 238, л. 720], организованная ещё в октябре 1922 года и до того находившаяся в другом помеще-

ОСОБНЯК ВИШНЯКА=ШКОЛА ШАГАЛА

нии. В ней к 1926 году находилось 80 детей, белорусы, евреи, поляки, чувашаи, цыгане, укомплектованные в четыре группы (2-5 лет, 5-6, 7-8, 9-12 лет) [ГАВО, ф. 170, оп. 1, д. 248, л. 41 об - 42 об]. О судьбах выпускников городских коммун руководство отдела образования постоянно беспокоилось: так в 1926 году было дано около 700 направлений на работу [ГАВО, ф. 170, оп.1, д. 266, л. 22]. К январю 1928 года в городе было 9 детдомов, в которых содержалось 409 детей. Через «Красную Звёздочку» с начала её существования до сентября 1930 года прошло 310 детей [ГАВО, ф. 170 оп 1, д. 266, л. 98].

ГАВО, ф. 1391, оп. 1, д. 5, л. 76.

Осенью **1930 года** Дом был отдан поликлинике Витебского горсобеза (городского комитета общественной взаимопомощи), затем поликлинике 2-го района.

После войны, в **1944 году** здесь (улица с 1938 года называлась Оборонная) поселились многочисленные семьи, ютившиеся в маленьких клетушках на всех этажах. В Витебске с жильём было очень тяжело, т.к. целым оставалось только 10 % жилого фонда [ГАВО, ф. 2820, оп. 8, д. 21, л. 2], а этот дом, к счастью, сохранился. С общим входом с улицы и сараями во дворе.

По всей улице располагались деревянные дома и огородики во дворах.

В **начале июля 1953 года** было принято решение о восстановлении коробки на улице Авиационной (Оборонная с 1950 года стала называться Авиационной) под аэроклуб (коннотация очевидна) [ГАВО, ф. 2820, оп. 6, д. 7, л. 22].

Средств на такие работы не было, но в результате переписки и всевозможных решений отменили строительство парка-стоянки автомашин, и именно эти деньги должны были быть переданы на этот объект.

Улица Калинина в 1944 г. Вдали – особняк Вишняка.

✓ Штаб аэроклуба в то время размещался по адресу Ленина, 9 [ГАВО, ф. 2922, оп. 2, д. 11, л. 96]. Но его здание (двухэтажное каменное с подвальным помещением под лавки, конфискованное у домовладельца Рабиновича в 1918 году под меховой отдел при Совнархозе [ГАВО, ф. 1001, оп. 14, д. 15, м. 1 8] для учебных классов было совсем непригодным, и руководство не единожды в различных актах писало, что есть трещина в южной стене и помещение находится в аварийном состоянии [ГАВО, ф. 2922, оп. 1, д. 10, л. 70]. И ещё с самого начала 1953 года спешили ускорить составление сметы на восстановление коробки двухэтажного здания по Авиационной [ГАВО, ф. 2922, оп. 1, д. 45, л. 1],

✓ 27 июля 1953 года была составлена карточка для регистрации проектного задания, в котором были отмечены следующие параметры: «объём 4400 куб.м, площадь 642, 9 кв.м, рабочая площадь – 383,5 кв. м; 2 этажа, центральное отопление, водопровод, канализация, электроосвещение, телефон и радио» [ГАВО, ф. 2922, оп. 1, д. 45, л. 19].

✓ Служебное здание аэроклуба должен был восстанавливать трест № 4 Главпромстроя [ГАВО, ф. 2922, оп. 1, д. 45, л. 19]. Непосредственное наблюдение и контроль за восстановлением ещё в феврале 1953 года были возложены на областной оргкомитет ДОСААФ [ГАВО, ф. 2922, оп. 1, д. 45, л. 22].

✓ Но и в январе и в марте 1954 года аэроклуб всё ещё пребывал в старом помещении на улице Ленина, находящемся в непригодном ви-

де, а 1 июля 1954 года его начальник Герой Советского Союза А.Ф. Канаев издал приказ о временном прекращении в нём работы, так как здание грозило обрушиться, и необходимо было все кабинеты и классы закрыть и опечатать, отключить телефоны, счетчики и снять вывеску [ГАВО, ф. 2922, оп. 1, д. 47, л. 152].

✓ Несмотря на эти свои тяжкие обстоятельства в здание на Авиационной аэроklub так и не въехал. В конце 1956 года ему предоставили помещение на ул. Маяковского, 1, а с конца 1957 года – на 2-й Набережной, 8 [ГАВО, ф. 2922, оп. 1, д. 50 а, л. 10, л. 18].

В июле 1953 года был создан стройтрест № 8 Министерства жилищно-гражданского строительства БССР на основе объединения стройтреста № 4 и Облстройтреста (с сентября 1954 года стройтрест Министерства городского и сельского строительства БССР).

✓ А в октябре 1954 года архитектурная комиссия при Витебском областном отделе по делам архитектуры рекомендовала для утверждения проект восстановления коробки на ул. Авиационной уже для конторы стройтреста № 8 [ГАВО, ф. 2820, оп. 5 д. 44, л. 9].

Восстановленное здание по Авиационной улице было принято в 1956 году. В конце января 1956 года в нём уже разместилась контора стройтреста № 8 [ГАВО ф. 2878, оп. 1, д. 45, л. 50], но целиком после восстановления дом был принят только 10 декабря 1956 года [ГАВО, ф. 2820, оп. 5, д. 44, л. 4–5 об.].

В 1957 году был создан стройтрест № 9. Его контора некоторое время размещалась в другом месте города (Пролетарская пл.). В конце мая 1958 года облисполком потребовал предоставить особняк Вишняка для открытия медико-санитарной части для строителей, а управлению треста (уже № 9) было рекомендовано переехать в здание на улице Ленина. Этот переезд не состоялся.

Управление стройтреста № 9 полностью перебралось в особняк в 1964 году [ГАВО, ф. 2880, оп. 5, д. 17, л. 26].

В 1972 году было принято в эксплуатацию новое помещение треста, рядом по адресу ул. «Правды» (Авиационная была переименована в улицу газеты «Правда» в 1962 году), 5-1, пятиэтажное здание администрации Стройтреста, а в здании 5а (бывший особняк Вишняка) в 1974 году разместился Вычислительный центр стройтреста, соединённый с административным зданием крытым одноэтажным переходом.

С 2004 года это здание уже целиком принадлежало Витебскому Вычислительному центру.

✓ 28 декабря 2005 года он был преобразован в открытое акционерное общество «Витебский вычислительный центр», а в январе 2006 года ОАО «Витебский вычислительный центр» был зарегистрирован в Едином государственном реестре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

✓ При создании Вычислительный центр был оснащен ЭВМ ЕС-1022. По мере развития вычислительной техники, менялись поколения машин. Это ЕС-1032, затем ЕС 1036, которая проработала до 1989 года. С этого времени началось переоснащение Вычислительного центра персональными компьютерами. Машины серии ЕС работали в три смены, включая субботние и воскресные дни. Машины занимали этаж целиком, располагаясь в комнатах от стены до стены, и мимо них можно было не пройти, а только просочиться.

В подвальном помещении разместился ломбард, кабинеты с южной стороны второго этажа арендовали риэлторские конторы.

С начала 1990-х гг. художники творческого объединения «Квадрат» стали регулярно проводить свои акции у стен Дома, всколыхивая его энергетику, будоража его память, возвращая его в сегодня, словно вскрывая его тайные лики.

Члены творческого объединения «Квадрат»
устраивают акцию приветствия членов УНОВИСА.
(Из архива автора монографии).

Акция творческого объединения «Квадрат» – роспись стены по эскизу
К. Малевича в 1992 году. Фото И. Барсукова.

В 1992 году встал вопрос о присвоении одной из витебских улиц имени Владимира Короткевича. В декабре 1992 года отдел культуры Витебского горисполкома предложил переименовать улицу газеты «Правда» (как не имеющей прямого отношения к истории Витебска) в улицу В. Короткевича [ГАВО, ф. 2222, оп. 5, д. 33, л. 14]. Это переименование не состоялось. Улица ждала своё культовое имя – Марка Шагала.

С 1994 года (I пленэр «Малевич. УНОВИС. Современность») к Дому начали стекаться участники конференций, художники, гости.

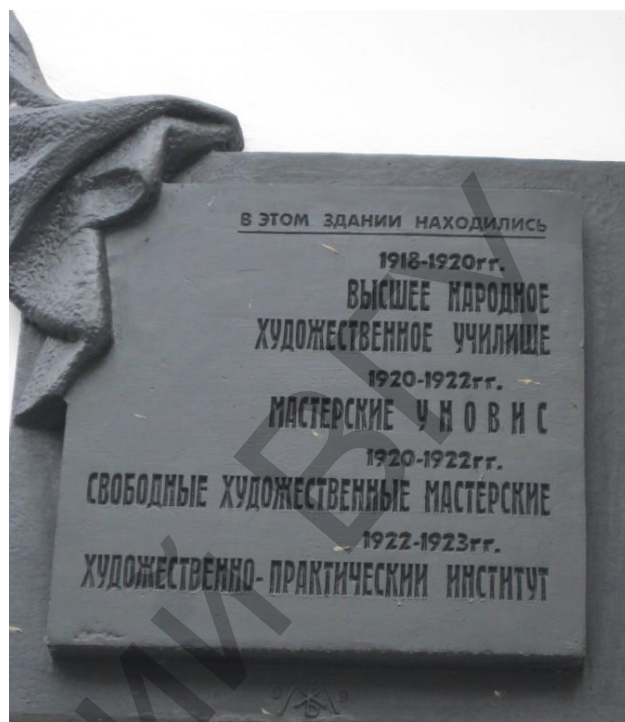

**Участники II Международного пленэра «Малевич. УНОВИС. Современность» и гости пленэра у входа в особняк. 1996 год. «Чёрный квадрат» у входа в здание на мостовой.
(Фото из архива автора монографии).**

В 1998 году в Дом вселился Центр современного искусства [ГАВО, ф. 2222, оп. 5, д. 164, л. 14]. Это стало своеобразным завершением его эволюции в XX веке, его история стала похожей на Петлю времени.

В январе 1998 года был объявлен городской конкурс на проект мемориального знака Казимиру Малевичу «по улице Правды в Витебске» и на проект «монументально-художественной композиции, посвящённой Витебской художественной школе (УНОВИС)» [ГАВО, ф. 2222, оп. 5, д. 182, л. 41]. Были назначены условия конкурса и размеры премий. Знак Малевичу так и не поставили.

А мемориальную композицию в честь УНОВИСа создал скульптор Валерий Могучий (1999). Весёлое, зелёное лето тогда оглушило улицу «Правды». Длинными молодыми колоннами спускались по ней ребята с красными, голубыми и жёлтыми флажками и речёвками. На запряжённых лошадях приехали витебские евреи и с телеги слез Марк Захарович Шагал (актёр слегка держась за поясицу прошагал к открытым парадным дверям особняка, своей бывшей школы), молодой красивый в чёрных кудрях. Мимо в телеге повезли чуть накрённые часы, как будто он только что рисовал эту композицию... В июне праздновали 1125-летие города, а это была акция в честь 80-летия Витебской художественной школы. Среди выступающих на этих священных ступенях – тогда ещё здравствующий Пётр Максович Явич, ученик Пэна, и ещё чудесно молодой Александр Александрович Соловьёв, говоривший о тайне Витебска и Малевича, и Александр Досужев, член творческого объединения «Квадрат» подчёркивал: «Помните, аура этого дома не потеряна...». Рядом с входом стояла трансформаторная будка, вот на неё и клали белые цветы в честь Дома. И красное супрематическое полотно спускалось с крыши.

✓ Каждый из вступавших на территорию Дома, работавших и живших в нём и тех, кто ставил здесь ЭВМ (!) и устраивал ломбард (!), оставлял в этих стенах свои «квантовые портреты» – информацию о личностях. Как

в каждой точке имеется слабая и сверхслабая информация обо всём пространстве-времени, так и Дом пронизан биополями участников его истории. Подобное биополе есть матрица, по которой перестраиваются клетки [Катарсис – М., 1994. С. 48]. Поэтому вся роковая история Дома, записанная в XX веке, к XXI становится многомерным пространством.

**В конце октября 2011 года Дом перешёл в ведение
управления культуры горисполкома. Зимой 2013/2014 гг.
в нём началась полная его реконструкция.**

Он сосредоточил и сконцентрировал в себе потенции времени, а поскольку человек всегда испытывает потребность структурировать время, то и Дом также нуждается в подобного рода структурировании. И здесь загадка состоит не только в структуре пространства Дома, в его помещениях и закусках.

ЭТОТ ДОМ ПОДОБЕН ТЕАТРУ

Он дискретен, т.к. припшпилен к месту на Бухаринской, в нём есть точные местоположения мастерских, и можно по месяцам восстановить, кто где проживал, и что по годам размещалось в нём. Это – его историческое и реальное пространство. Но он и бесконечно континуален, он словно течёт во времени, и этот поток времени и сознания неостановим с 1913 года по сию пору. Это – его время, виртуальное. Его невозможно приостановить и зафиксировать. Оно перетекает из одного состояния Дома в другое.

Это и есть театр, способ театрального существования (не сценического, т.к. сцена – это, прежде всего, конкретное место), Дом действительно существует в потоке времени/сознания по законам сверхтеатральной реальности.

✓ *И мне кажется, что в Доме должна быть голографическая виртуальная реальность. Дом на Бухаринской – подобие булгаковской квартиры № 50 в доме № 302-бис на Садовой улице и обладает очень необычными пространственно-временными параметрами. «Самое несложное из всего! [...] Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов. Скажу вам более, уважаемая госпожа, до черт знает каких пределов!» [Булгаков М. Избранное. – М., 1980. С. 203].*

Театрализация, или, точнее сказать, мистериальность предполагает осуществление звукового купола в определённых зонах Дома. Именно звук в состоянии выразить всю многообразную гамму чувств, образов и мыслеформ Дома. Звук, на мой взгляд, должен стать одной из главных составляющих экспозиции. Это могут быть только определённые места, наподобие того, что происходит в Центре Жоржа Помпиду в Париже.

Дом не похож на музейные сокровищницы и тем, что в нём нет реальных исторических предметов, картинной галереи, архивов и запасников. Дом

действительно виртуален. А значит, «сценографией» его мистерии может стать некая концепция, совмещающая современное художественное мышление и его исторический аспект.

Как правило, любое традиционное решение музея-центра охватывает не всё пространство и не составляет общую художественную целостность: любое ху-

дожественное произведение (а Дом сегодня сам по себе является именно художественным произведением, и не может быть ничем иным) – это не плотно прилегающие друг к другу образы, там есть и необразное пространство. Тем более – в музее-центре, где необразное пространство является существенной частью общей структуры.

Экспозиция позволит сделать *всю структуру Дома* целиком и полностью образным пространством, и абсолютно *все образы* смогут плотно прилечь друг к другу и составить целостность.

«Наше восприятие, – замечает Ф. Шемякин, – не приноровлено к одному только евклидову пространству. В нём заложены более широкие возможности, чем те, которые реализуются в повседневном опыте. Они позволяют ему выступать как отражение риманова – и, можно допустить, также и иного – объективного – пространства. Наше восприятие способно, значит, к перестройке в связи с открытием новых путей в овладении природой <...>» [Шемякин Ф. Некоторые аспекты проблемы исследования пространственных восприятий и представлений// Восприятие пространства и времени / под ред. Б. Ананьева. – Л.: Наука, 1969. С. 32–35. С. 35].

**«БУХАРИНСКАЯ, 10 – ПРАВДЫ, 5 А –
МАРКА ШАГАЛА, 5 А»: МЕСТО ВСТРЕЧИ
ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ.**

Выставка-акция в честь Дома была назначена на 18 мая 2017 года. Это была традиционная Ночь Музеев. Предполагалось, что Дом скоро будет готов для открытия в нём музея ВНХУ и что именно эта выставка-акция станет эпиграфом к открытию и что сами стены Дома должны быть освящены работами витебских художников и что, несмотря на перемены в названиях улицы, место встречи остаётся всё тем же, знаковым для художественной среды города.

100 лет – и место и время невозможно изменить.

Улица Бухаринская – это начальная точка в хронотопе.

Улица «Правды» – это хронотоп многочисленных художественных акций и художественной памяти.

Улица Марка Шагала – это петля времени, когда память приобрела реальные черты в пространстве.

Идею выставки-акции предложил Андрей Духовников. Открытие музея ВНХУ предполагалось летом 2017 года, и как вхождение в Дом подобная выставка стала бы главной художественной акцией на пороге работы музея. И, как всегда, в нашем с А. Духовниковым содружестве за мной установилась задача разработки концепции и организация выставки-акции. Концепция представляла собой метафору, и в большей мере поэтическую. Замысел её был пронизан драматизмом самого места; драматизмом судеб всех, кто был с этим местом связан, и с аурой самого Дома.

И названия некоторых мест, возникшие в ходе подготовки к выставке-акции, – это тоже метафоры. Сам Дом называется «Белый Архитектон» (пока

внутри него нет музейных объектов, нет росписей на стенах, нет документов и информ-киосков, он абсолютно безмолвный и белый, он сам по себе художественный объект и аналог малевичских архитектонков).

В ЕГО ЦЕНТРЕ НА ПОЛУ – ГРАНИТНАЯ ФРЕСКА «КЛИНОМ КРАСНЫМ БЕЙ БЕЛЫХ», КОТОРАЯ НАЗВАНА «СЕРДЦЕ ЛИСИЦКОГО» (ЭТО – ОДИН ИЗ САМЫХ ЗНАМЕНИТЫХ ВИТЕБСКИХ ПЛАКАТОВ Л. ЛИСИЦКОГО И ЭТО – САМОЕ СЕРДЦЕ ДОМА).

ФОТО А. ДУХОВНИКОВА.

Есть театральное определение: «Спектакль играется для людей, а мистерия – для богов». Именно такая дефиниция сделалась направляющей нитью, основой и пафосом всей концепции выставки. Мы не приглашали зрителей, мы работали без наблюдателей. И не стремились удивить или поразить чем-то совершенно новым друг друга. Это был кратковременный духовный выплеск, протуберанец. Это было и некое духовное упражнение, без заранее чётко обозначенной системы. Как оказалось в день выставки, эта была абсолютная импровизация для работы воображения каждого участника. Это странное (но разве для Дома что-либо может быть странным?) обстоятельство вдруг ос-

вободило всех от какой-нибудь заранее выработанной программы, но сделало результат изысканным и оригинальным. Пространство преобразовалось и все преобразовались в нём.

«СЕРДЦЕ ЛИСИЦКОГО» В САМОЙ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ СОЗДАНИЯ. ВРЕМЯ, КОГДА ДАЖЕ СТЕНЫ ДОМА БЫЛИ ЕЩЁ НЕ ОТДЕЛАНЫ. НОЯБРЬ 2015 Г. ФОТО А. ДУХОВНИКОВА.

18 мая с утра мы не смогли войти со всеми работами в Дом. По технике безопасности. Эта тривиальная причина изменила раннюю концепцию. Тогда и возникла импровизация и другое дыхание акции. Она стала действительным упражнением. Практикой. Потому что само создание уличной экспозиции (каждому было определено новое место) стало изначальной частью, опорной точкой всего эксперимента.

Акцияokkaиональна, экзистенциальна, ориентационна. На равных в ней пребывали и произведения и сами художники. Эта была наша общая метаморфоза. Мы существовали в энергетической ауре Дома, и сами менялись в её времени.

В выставке-акции участвовали 26 художников, чьё творчество так или иначе связано с ядром Витебской художественной школы – от супрематизма до акционизма.

✓ Витебскую художественную школу мы пониманием не как весь корпус творческих высказываний художников, проживавших и проживающих в Витебске с конце XIX в., а исключительно как Школу Казимира Малевича, как программу УНОВИСа и как творческое наследие Марка Шагала, т.е. именно то, что определило концептуальное мышление XX века и векторы движения искусства в первой четверти XXI ст. и что сделало Витебск известным миру, что выделило его из всех провинциальных художественных пространств.

Именно такое духовное состояние и отношение к своему историческому наследству даёт витебским художникам платформу для развития и ощущение точки опоры. Именно концептуальное ядро, оставленное в ауре Витебска Казимиром Малевичем сотоварищи даёт ощущение родного дома, истока, того, на что можно оглянуться, с чем можно жить как с алмазным стержнем внутри.

Для когорты участников выставки был важным сам факт участия в этой акции, сам факт движения и понимания себя как принадлежащих к этому особому духовному упражнению – быть в этой точке пространства/времени, быть на пиру сопричастности, личное присутствие и прикосновение к *серебряной нити*, связывающей нас сегодняшних с субстанцией входящих сто лет назад в Круг Малевича.

Мы были счастливы: поклон и почтение Казимиру Малевичу и УНОВИСу; поклон Марку Шагалу; поклон ВНХУ; поклон Дому.

Это всё происходило в сконцентрированном времени. Время, как по законам физика Н. Козырева, сжалось и сделалось гелеобразным, а мы в нём схватили его ядерное, энергетическое составляющее. Время стало стекать в пространстве Дома и вокруг Дома и в нас самих. И исчезло. В нашем мозгу оно стало почти джазовой партитурой, стремительно вспыхнув и сжав свою музыкальную партию.

ОСОБНЯК ВИШНЯКА=ШКОЛА ШАГАЛА

А потом сделало ещё одну петлю, тонкую, как будто сквозь воронку вытекающую из только что сконцентрированного выставочного/акционного времени. Мы перешли на другую сторону улицы и остановились в другом дворе, на том месте, где стояла полвека назад Воскресенская Заручавская церковь, давшая самое первое название улице. Мы поклонились и этой витебской памяти.

И снова петля. И возвращение во двор Дома. Завершающая часть стала нашей тайной вечерей. Во дворе под балконом Шагала мы преломили чёрный хлеб и пригубили красное вино.

Итак, интуитивно мы повторили все этапы архаического обряда, удерживающего космос от хаоса: омовение (размещение работ, подготовка, начало) – путь (наше движение со стягами) – жертвоприношение (открытие выставки, сама акция, дар памяти) – пир («тайная вечеря»).

Честь – чести!

НА ОТКРЫТИИ ВЫСТАВКИ-АКЦИИ.
ФОТО Ю. ШЕПЕЛЕВА.

**ФЛАГИ АКЦИИ.
ФОТО Ю. ШЕПЕЛЕВА.**

Участники выставки-акции (слева направо) Василий Васильев, Олег Крошкин, Николай Дундин, Леонид Медведский, Алексей Кравченко.

Часть выставки-акции – экспозиция творческого объединения «Квадрат». Фото Ю. Шепелева.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ АКЦИИ. ФОТО Ю. ШЕПЕЛЕВА.

УЧАСТНИКИ ВЫСТАВКИ-АКЦИИ ТАТЬЯНА МАКЛЕЦОВА И ГЕННАДИЙ ФАЛЕЙ.
ФОТО Ю. ШЕПЕЛЕВА.

Во время монтажа объектов. Фото Ю. Шепелева.

Елена Толобова готовит свою инсталляцию. Фото Ю. Шепелева.

ПЕРФОРМАНС ГАЛИНЫ ВАСИЛЬЕВОЙ «ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ И БЕЛЫЙ КУБ. КОРА».

ШЕСТВИЕ СО СТЯГАМИ. ФОТО Ю. ШЕПЕЛЕВА.

**И МОИ СТУДЕНТЫ – ТОГДА 22 ГРУППА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ВГУ ИМ. П.М. МАШЕРОВА – ПОМОШНИКИ И ВОЛОНТЕРЫ
РЯДОМ С УЧАСТНИКАМИ ВЫСТАВКИ. ФОТО Ю. ШЕПЕЛЕВА.**

**УЧАСТНИКИ ВЫСТАВКИ-АКЦИИ НА МЕСТЕ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЗАРУЧАВСКОЙ ЦЕРКВИ.
ФОТО Ю. ШЕПЕЛЕВА.**

Каталог выставки-акции

1. Васильев Василий. Объект «Точка на линии», металл, сварка, ковка, h 150 см, 2014.
2. Васильева Галина. «Цвет и форма», х., м., 220 × 150 см, 2000; «Красный Квадрат» х., темпера 100 × 100 см, 1998.
3. Войницкий Павел. Объекты: «Супрематическая оптика», стекло, высоко-температурная роспись красками, 40 × 40 × 20 см, 2013.
4. Вышка Александр. «КОНЬ_ЦЕРТ», х., м., 90 × 55 см, 2017; объект «Плач Венеры», авт. техника, h 103 см, d 44 см, 2017.
5. Ганчарова Анастасия. Объекты «Ералаш», тонированный текстиль, 2017.
6. Горолевич Дмитрий. «Таямніцы», х., м., 50 × 40 см, 2016.
7. Дёмчев Кирилл. «Ты Малевич», ДВП, бумага, акрил, зеркало, 120 × 120 см., 2016.
8. Досуев Александр. «Стоунхендж», х., акрил, 100 × 150 см, 2014.
9. Дундин Николай. «Нож Казимира», х., м., 100 × 84 см, 2015.
10. Духовников Андрей. «Две души», х., графит, тушь, акварель, 60 × 80 см, 2016.
11. Кириллин Пётр. «Флодоовощехранилище», бумага, смеш. техника, 26 × 16 см, 2004; «Сладкозвучная песнь сирен», бумага, смеш. техника, 26 × 16 см, 2006; «Счастье тукумской пастушки», бумага, смеш. техника, 26 × 16 см, 2012; «Метафизическая парадигма», бумага, смеш.техника, 26 × 16 см, 2013; «Сквер зелёного кавалера», бумага, смеш. техника, 26 × 16 см, 2014; «Пленительный рожок», бумага, смеш. техника, 26 × 16 см, 2015; «Фольварок в Люцынке», бумага, смеш. техника, 26 × 16 см, 2015; «Белые крылья архивиста», бумага, смеш. техника, 16 × 23 см, 2008; «Устремление к истоку», бумага, смеш. техника, 16 × 23 см, 2011; «Серафима из Сан-Лисе», бумага, смеш. техника, 16 × 23 см, 2011.
12. Кравченко Алексей. «Апрель», х., акрил, 100 × 120 см, 2014; «За небом есть другое небо», х., акрил, 100 × 120 см, 2014; «Вспоминая Гауди», х., акрил, 120 × 100 см., 2017.

13. Крошкин Олег. «Большая витебская обнажённая», х., акрил, 90 × 100 см, 2008; «Музыка цвета I», х., акрил, 100 × 100 см, 2017; «Музыка цвета II», х., акрил, 100 × 100 см, 2017.
14. Ляхович Валентина. 4 объекта: «Посвящение Малевичу», ламинат, бумага, картон, акрил, гуашь, смешанная техника, h 250 см, w 100 см, 2017.
15. Маклецова Татьяна. «Супрематическая инсталляция», пластик, акрил, текстильн. шнур, 150 × 70 см, 2017; Модульная композиция «Город Game», поролон, акрил, длина 130 см, ширина 30 см, высота 90 см, 2014; Супрематический трэш, поролон, акрил, планшет 60 × 60 см, h – 50 см, 2015.
16. Малей Александр. Объекты: «Архитектон-ОИ, (картина, объект)», х, м, металл, двп, черная эмаль 25 × 75 × 27 см, 2006; «Объект - 129. (картина, объект)», х, м, дсп, картон, левкас, металл, черная эмаль, 44 × 48 × 41 см, 2006; «Объект - 131. (картина, объект)», х., м., дсп, пластмасса, черная эмаль, 46 × 65 × 30 см, 2006; «Пространственный объект - С. (картина, объект)», х., м., дерево, фанера, краска (акрил, черная эмаль), 65 × 71,5 × 26 см, 2000; «Пространственный объект-Р. (картина, объект)», х., м, дерево, фанера, краска (акрил, черная эмаль), 65 × 71,5 × 26 см, 2000; «Пространственный объект - Р. (картина, объект)», х., м., дерево, фанера, краска (акрил, черная эмаль), 65 × 71,5 × 26 см, 2000; «Сине-белая плоскость», фанера, масло, анкеры, 136 × 155 × 29 см, 2015; «Пространственный объект - Т. (картина, объект)», х., м, дерево, фанера краска (акрил, черная эмаль), 65 × 76 × 26,5 см, 2000; «Объект - 130, (картина, объект)», х., м., дсп, двп, левкас, краска, 45 × 50 × 35 см, 2006; «Объект -128, (картина, объект)», х., м., металл, двп, пластмасса, 76 × 40 × 30 см, 2006.
17. Медведский Леонид. «Беседы афонских старцев», ДВП, ткань, левкас темпера, 172 × 122 см, 2001–2015.
18. Селиханов Константин. Объект «Видение св. Августина», смешанная техника, h 250 см, 2017.
19. Сковородко Олег. «Деревья и птицы», х., м., 80 × 60 см, 1993; «Ритмы осени», х., м., 79 × 60 см, 1991; «Полёт», х., м., 56 × 80 см, 2012.
20. Соловьёв Александр. «Эксперимент», бумага, гуашь, эмаль, 30 × 80 см, 1995.
21. Сотников Сергей. Объекты: «Игла», дерево, металл, h 170 см, 2016; «Небесное и земное», дерево, металл, h 130 см, 2016; «Таинство», дерево, металл, d 40 см, 2015.

22. Счастный Валерий. «Сустрэча з Рагнедавайгарой», х., акрил, 117 × 84 см, 2011.
23. Толобова Елена. Объект «Чёрная звезда», стекло, акрил, свечи, 2017; «НЕФТ_Ъ», х., акрил, битум, 110 × 120 см, 2015.
24. Фалей Антонина. Объекты: «Дуэт»; «Немного красного», газосиликат, гипс. 2017.
25. Фалей Геннадий. Объекты: «Божа, барані Беларусь!», железо, h 70 см, 2016; «Трасса», бумага, h 170 см, 2015.
26. Чукин Валерий. «Взгляд», х., м., 80 × 70 см, 1990.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дом – основная точка улицы и всей её истории, Дом – точка и цель модернистов Витебска.

Его пространство насквозь трагично, слоисто, бесконечно, плотно и прозрачно. И насмешливо/цинично в истории, как пространство витебских храмов, в которых устраивали мельницы, гнилые капустные склады, и в которых ютились люди после войны.

В Доме несколько лет жили сироты, маленькие, двухлетние, четырёхлетние... и, читая эти списки, я с болью думала: а как складывались потом их судьбы (списки 1924 года...), Наверное, складывались драматично, незащищено, ожесточённо. Впрочем, как и судьбы первых его обитателей, хозяев и экспроприаторов.

И испытал многое за сто лет, Дом стоит строгий, белый, изысканно стройный, этакий холодный денди, вызывающий восхищение своим происхождением, своей породой, своей тайной и невероятным покоем.

Научное издание

КОТОВИЧ Татьяна Викторовна

ОСОБНЯК ВИШНЯКА=ШКОЛА ШАГАЛА

Монография

Технический редактор *Г.В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *И.В. Волкова*

Подписано в печать 15.11.2017. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 6,05. Уч.-изд. л. 2,46. Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано в учреждении образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.